

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 10, Is. 4, pp. 182-201, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.10.182
www.ejournal6.com

Articles and Statements

UDC 93/94

Eastern European Irregular Troops in the XVIII Century: Crisis and Evolution

Artyom Y. Peretyatko

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Laboratory of Military Research
PhD (History)
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the evolution of Eastern European irregular troops in the XVIII century, when they were forced to compete with the regular armies of the Western European model. In it are analyzed shortcomings and advantages of irregular system of the organization which became actual in this century. The author comes to a conclusion that the elimination of the most part of the East European irregular troops was made possible only when regular armies start using their tactics and weapons. Similar influence was mutual, and preserved irregular troops adopted more and more elements of the organization of a regular army.

Keywords: irregular troops, Cossacks, Grenz infantry, Russia, Polish–Lithuanian Commonwealth, Habsburg possessions, F. Mehring.

Введение

К началу XVIII в. граница между Османской империей, ее мусульманскими союзниками и европейскими странами была защищена складывавшейся в течение предыдущих двух столетий системой иррегулярных поселенных войск. Менее обременительные для государственной казны, чем наемники, способные (по крайней мере, теоретически) собраться по первому приказу правительства граничарские, казацкие, гусарские, стрелецкие, уланские части сумели обеспечить эффективную охрану этого рубежа, растянувшегося от Адриатического моря до Урала [1].

Однако в XVIII в. эта пограничная система была полностью уничтожена. Многочисленные восточноевропейские иррегулярные войска ушли в прошлое за несколько десятилетий, и от их прежнего разнообразия остались только казаки и граничары. Такая быстрота и фактическая одновременность ликвидации большинства иррегулярных частей в России, Австрии и Польше свидетельствует, что в это время произошли события, сделавшие прежде эффективную иррегулярную систему военной организации почти не востребованной. В своей статье мы попытаемся понять, что это были за события, и выяснить, насколько бесследным оказалось исчезновение большинства иррегулярных

войск, выявить влияние выработанных в них тактик на дальнейшую эволюцию европейской военной мысли.

Материалы и методы

Чтобы понять причины процессов, охвативших одновременно три крупных страны, нам, разумеется, придется использовать историко-сравнительный и историко-системный методы. На основании широкого круга отечественных и зарубежных работ, посвященных как истории отдельных войн, так и развитию военной мысли, мы попытаемся выявить общие черты эволюции восточноевропейских иррегулярных войск в XVIII в. Особое значение для нас будут иметь материалы, характеризующие сложившееся в ходе этого столетия разделение ролей между постоянными и иррегулярными частями. Они содержатся как в военных энциклопедиях последующего периода, так и в работах боевых офицеров, среди которых имеет смысл особо выделить Н.И. Краснова, имевшего совершенно особое представление о функции казачьих частей в российской армии [2], и И.В. Архенгольца, на основании личных наблюдений описавшего впечатление прусских офицеров от действий казаков, кроат и улан в Семилетнюю войну [3].

Поскольку в XVIII в. радикальной перестройке было подвергнуто не только военное, но и гражданское устройство иррегулярных войск, мы будем обращаться и к работам, носящим более общий характер, а так же к трудам, посвященным экономическому и административному развитию соответствующих регионов. Мы надеемся, что на основании совокупности этих материалов нам удастся создать системную картину эволюции восточноевропейских иррегулярных войск в кризисном для них столетии.

Обсуждение

Возникновение восточноевропейских иррегулярных войск было связано с неспособностью западноевропейских наемных армий эффективно выполнять задачи, связанные с постоянной защитой границ от набегов и продолжительными непрерывными войнами. Даже для крупных государств многолетнее содержание многотысячных армий в XVI в. представлялось невозможным. Между тем для прикрытия границ азиатского типа (термин, предложенный Д.А. Замятиным и означающий «большую барьерную территорию, полосу между государствами, слагающуюся из сплетения разнородных, остаточных местных и региональных властных, структур как огромная геополитическая чересполосица») требовалось постоянное содержание крупных пограничных отрядов [4]. Однако эволюция военной организации в Западной Европе продолжалась, и с середины XVII в. наемные армии прежнего образца стали уходить в прошлое. В период после Тридцатилетней войны резко упал социальный статус и, соответственно, оплата наемного солдата, а экономические возможности европейских государств вследствие развития финансовой системы существенно выросли. Это позволило постепенно полностью отказаться от роспуска армий в мирное время и ввести постоянную, фактически пожизненную систему службы [5]. Благодаря этому армии нового образца, которые мы, вслед за Ф. Мерингом, будем называть постоянными, могли и нести непрерывную пограничную службу, и сохранять боеспособность в случае длительных войн. При этом они обладали рядом существеннейших преимуществ над восточноевропейскими иррегулярными войсками, важнейшим из которых был высокий уровень муштровки. Так, Петр I жаловался, что за то время, пока солдаты «его полков» успевают выстрелить трижды, стрелецкие части делают не более одного выстрела [6]. Полный цикл ружейных приемов в стрелецких частях предусматривал выполнение 15 отдельных команд, таких, как «Подыми мушкет ко рту», «Содми с полки», «Возьми пороховой зарядец» и т.д. [7]. Для сравнения прусские части в эпоху Фридриха II на поле боя стреляли в три приема («Готовься», «Целься», «Пли») [8]. Еще хуже дело обстояло со строевой подготовкой. У стрельцов ее отсутствие доходило до того, что во время похода рядовые солдаты обгоняли воеводу, который в этих случаях делал специальный знак [9]. В прусской армии, напротив, от солдат требовалось доведение до автоматизма основных движений в строю [10].

Нужно отметить, что стрельцы были одним из немногих восточноевропейских иррегулярных войск, у которых существовала хоть какая-то регламентированная подготовка в мирное время. Однако эта подготовка носила крайне примитивный характер и сводилась

почти исключительно к «огневому бою», а остальные элементы, в том числе строевые, не отработывались. Покупка пороха и свинца для этого обучения была возложена на самих солдат стрелецких полков, а дисциплинарных мер для плохо стреляющих предусмотрено не было, предполагалось только проводить для них дополнительные занятия [11]. В прусской армии, напротив, муштровка достигала гипертрофированных, уродливых размеров. В частности, в комплект формы каждого унтер-офицера входила палка, которой он должен был избивать солдат за малейшую ошибку [12]. Телесные наказания были распространены даже на офицеров: единственной их привилегией в этом отношении было то, что наказание осуществлялось не палкой, а рапирой плашмя [13]. Довести муштровку до автоматизма помогал и длительный срок службы: у солдат он составлял 20 лет [14], а офицер в мирное время должен был прослужить не менее 20 лет, чтобы получить под командование роту, причем сам Фридрих Великий предпочитал тех из них, кто не имел семьи и тратил все свое время на службу [15]. Именно жесточайшая дисциплина и качественнейшее военное обучение сделали прусскую армию образцовой для XVIII в. [16], и ее опыт в этом отношении использовался многими военными реформаторами, в том числе и в России [17].

Следует отметить, что некоторые восточноевропейские военные реформаторы пытались совместить иррегулярный принцип организации и введение муштровки. Однако единственной относительной удачей в этом направлении удалось добиться на Военной Границе. По мнению В.И. Фредзона, основными занятиями мужчины-граничара и в мирное время были муштра, трудовая повинность и служба в пограничной охране [18]. Однако в этом регионе фактическое неучастие мужчин в мирной жизни было не нововведением, а традицией, и экономика как края, так и отдельных семей держалась в основном на женской рабочей силе [19]. Попытка же Александра I ввести в России военные поселения, которую он предпринял в том числе и после изучения опыта граничар [20], завершилась полным провалом. В отличие от иррегулярных войск более раннего периода, в военных поселениях была введена правильная военная подготовка по образцу постоянных войск, жизнь в них была полностью подконтрольна властям, а амуниция для поселенцев закупалась централизованно [21]. В результате тяжелая работа по хозяйству вступала в противоречие с не менее тяжелой муштровкой, солдаты не добивались успехов ни в том, ни в том, а офицеры, не имеющие должного опыта, не справлялись с экономическими управленческими функциями. Уровень боевой подготовки поселенцев все равно оставался недостаточным, а в их деревнях царствовала беспросветная нищета [22]. Таким образом, муштровка и иррегулярный принцип организации, за единичными исключениями, оказались несовместимы.

Преимущества постоянной армии не сводились к более качественной военной выучке. Понижение социального статуса солдата сделало его фактически бесправным. Военные власти предпочитали вербовать преступников, иностранцев, прочие люмпенизированные элементы, и к началу XVIII в. попасть рядовым в армию считалось несчастьем даже для крестьянина [23]. И в предыдущие столетия наемники отрывались от остального общества и не принимали участия в крестьянских восстаниях, однако тогда их статус был заметно выше, и они сами по себе могли диктовать волю нанимателям. Крупные наемные отряды, возглавляемые такими же наемными командирами, а не офицерами нанявшей их страны, легко выходили из под контроля, создавая множество проблем. Так, немецкий мемуарист Б. Застров, описывая поход армии Карла V, отмечал, что испанскими наемниками в дружественной стране было захвачено и обесчещено 400 женщин, а только в ходе одной стычки между испанскими и немецкими солдатами погибло почти 100 человек. Император сам не рисковал ссориться со своим войском и вынужден был закрывать глаза на подобные, по определению Б. Застрова, «шалости» [24]. Но опыт Тридцатилетней войны показал, в какой кошмар может превратиться подобная система организации в случае войны длительной, когда наемные армии плохо оплачиваются, не распускаются, и превращаются, по сути, в армии разбойников. На основании этого опыта одним из требований к постоянной армии стал полный контроль офицеров над солдатами [25]. Теперь рядовой состав западноевропейских армий не только был оторван от остального общества, но и стал, за исключением экстремальных ситуаций, абсолютно послушным, под все той же угрозой унтер-офицерских палок.

Восточноевропейские войска этой эпохи, напротив, все еще представляли потенциальную угрозу для центральной администрации. Они были тесно связаны с региональными традициями и местными органами власти, и в том случае, если последние выходили из-под контроля, под их командованием оказывались уже сформированные части. Например, еще в начале XVIII в. большая часть иррегулярных гусарских полков подчинялась не Вене, а магнатам, входившим в состав венгерского сейма [26], который в 1707 г. объявил Габсбургов низложенными, провозгласил уничтожение унии с Австрией и потребовал возвращения всей полноты власти в Венгерском королевстве местному правительству [27]. Мир с восставшими был заключен только в 1711 г., причем имперской власти пришлось гарантировать сохранение венгерской автономии и свободу вероисповедания [28]. Даже там, где местные власти не симпатизировали подобным сепаратистским взглядам, имели место восстания под лозунгом сохранения исторических традиций. В 1708 г. на Дону К. Булавин сумел добиться своего избрания войсковым атаманом, после чего уже в этом качестве пытался вести диалог с посольским приказом, выражая готовность служить царю, но требуя соблюдения исторических казачьих привилегий [29]. Но, возможно, самое необычное из подобных восстаний произошло в 1755 г. на Военной Границе. Восставшие захватили контроль над Вараджинским генералатом, убили часть офицеров и послали петицию в Вену, требуя соблюдения своих исторических прав. Однако, в отличие от булавинцев, они даже не пытались оказывать сопротивление прибывшим для подавления восстания частям регулярной армии, а Гофкригсрат, хотя военный суд и приговорил зачинщиков восстания к смертной казни, согласился удовлетворить ряд их требований [30].

Итак, те функции, которые прежде могли выполнять только восточноевропейские иррегулярные войска, с XVIII в. стали доступны и западноевропейским постоянным армиям. В то же время солдаты регулярных частей обычно обладали куда лучшей выучкой и в большей степени контролировались центральной администрацией. Тем не менее, даже в этих условиях у иррегуляров остались важные преимущества, которые никак нельзя было сбрасывать со счетов.

После разрушительнейшей Тридцатилетней войны в Европе не только появилась постоянная армия, но и изменились взгляды политиков на ведение военных действий. Возможно, наиболее емко новые идеи выразил Фридрих II, заявивший, что «Мирный гражданин не должен даже замечать, что нация сражается» [31]. Фуражировок у местного населения пытались избегать, а армия снабжалась обычно за счет заранее заготовленных запасов, от складов которых, например, Людовик XIV избегал удаляться более, чем на 5 дневных переходов [32]. Кавалерия в этих условиях выродилась в малоподвижный род войск, который во многих странах вообще не предполагалось использовать для атаки, и часто кавалеристы не умели ездить быстрыми аллюрами [33]. Разведывательной и аванпостовой службой просто пренебрегали. В частности, в прусской армии до Фридриха II почти не было легкой кавалерии, только тяжеловооруженные неповоротливые всадники, не обученные атаке с холодным оружием [34]. Российская регулярная кавалерия при Петре I была исключительно драгунской [35]. Опыт Первой Силезской войны показал, что регулярная кавалерия подобного образца не только не способна прикрывать пехоту на марше от венгерских гусар, но сама нуждается в ее защите [36]. Преимущества иррегулярных частей не ограничивались высокой подвижностью, способностью атаковать с холодным оружием и сохраненными навыками аванпостовой службы: они, фуражировавшиеся у местного населения, куда меньше зависели от тыловых баз. О сознательном использовании казаков для фуражировки свидетельствовал, в частности, П.А. Румянцев [37]. Наличие подобных частей, великолепно владевших тактикой малой войны и не зависящих от тыловых складов, делало возможным глубокие рейды в тыл противнику. В российской историографии более известен факт взятия Берлина русскими войсками в 1760 г., в котором существенную роль сыграли казаки. Тогда, заняв Берлин на четыре дня, русский корпус, достигавший численности в 23 000 человек, отступил после получения известий о приближении главных сил прусской армии [38]. Но на наш взгляд, еще более впечатляющий пример подобного использования иррегулярных частей принадлежит австрийцам, которые предприняли схожий рейд на Берлин еще в 1757 г., причем силами всего 4 000 всадников с Военной Границы [39]. Интересно отметить, что

И. Архенгольц, описывая данное событие, уделяет особое внимание тому, что австрийцы во время отхода избегали проезжих путей и двигались крайне быстро, что оказалось сюрпризом для прусской кавалерии и позволило им уйти от погони [40].

Другим существенным плюсом иррегулярных войск была их относительная дешевизна. Именно на этот факт обращали особое внимание сторонники совмещения муштровки и иррегулярной службы. Военная Граница благодаря широкому использованию трудовой повинности была переведена фактически на самообеспечение в мирное время [41]. Александр I считал, что введение военных поселений в России позволит в несколько раз увеличить численность армии при сокращении расходов на нее [42]. Впрочем, ситуация была несколько более сложной, чем думали сторонники иррегулярной организации, поскольку солдаты иррегулярных частей обычно не платили налоги, бесплатно пользовались своими участками, а их отвлечение на военную службу замедляло экономическое развитие региона. В частности, экономическая неразвитость и бедность Военной Границы были связаны именно с недостатком мужской рабочей силы [43]. Схожая ситуация наблюдалась и на Дону: М.Н. Харузин еще во второй половине XIX в. отмечал, что иногороднее население обладает куда большей хозяйственной смекалкой, чем казаچه, и сами казаки не могут в полной мере использовать потенциал своих хозяйств [44]. На наш взгляд, иррегулярные части действительно требовали от казны меньших денежных затрат, но уменьшали сумму налоговых поступлений и замедляли экономическое развитие регионов. Тем не менее, многие военные администраторы, особенно в случае недостатка денег в казне, возвращались к идеям распространения иррегулярности. Только в России, помимо попытки введения военных поселений, следует выделить эпоху Анны Иоанновны, когда на границах активно учреждались новые ландмилицейские части, а в регулярных войсках поощрялись занятия ремеслами [45].

Важнейшим преимуществом иррегулярных частей над постоянными было существование подготовленного резерва. Ф. Меринг отмечал, что в XVIII в. битвы носили крайне кровопролитный характер: так, при Цорндорфе прусские части потеряли 33 % численности, а российские – 40%, и такая доля потерь была не исключением, а правилом [46]. При этом резервные и запасные части отсутствовали в принципе, что делало крайне затруднительным восстановление численности армии даже после выигранной битвы [47]. Фридрих II, пытаясь решить эту проблему, дошел до поголовной записи в свою армию пленных саксонских солдат [48]. В конце Семилетней войны, когда финансовые и военные ресурсы Пруссии были крайне истощены, он даже использовал крайне экзотический для Западной Европы этой эпохи опыт ополчения и добровольческих частей. Не высоко оценивая их боеспособность, прусский монарх считал, что их использование при штурме неприятельских укреплений способно резко сократить потери действительно ценных регулярных полков [49]. В этих условиях иррегулярные части могли быть ценнейшим источником людских резервов. В частности, на ход войны за австрийское наследство значительное влияние оказала поддержка Марии Терезии венгерским сеймом, на сей раз выставившим многочисленные иррегулярные части не против, а в поддержку Вены [50]. Теоретически, при привлечении на службу всех граничар, одна Военная Граница была способна выставить до 1/5 от всей австрийской армии, что никак не соответствовало ни ее территории, ни населению [51]. Эта способность восточноевропейских иррегулярных войск быстро увеличивать численность оставалась востребованной до самой середины XIX в. Так, вот время революции 1848 г. именно срочная мобилизация на Военной Границе помогла Габсбургам сохранить итальянские владения [52], а реакцией российского правительства на польское восстание 1863 г. стала мобилизация на Дону 19 полков для его подавления [53].

Система постоянного войска, о которой мы подробно писали выше, никак не способствовала развитию у солдат сколько-либо высоких моральных качеств. Прежде всего, не был изжит принцип, согласно которому постоянные армии, подобно наемникам прежних веков, не имели никакого национального ядра. В армии часто вербовали иностранцев, зачастую насильно. В российской историографии достаточно известен сюжет о том, как М.В. Ломоносов был опоен прусскими вербовщиками и затем насильно записан на службу, с которой при первой возможности бежал [54]. Понятно, что многие солдаты, подвергающиеся постоянным телесным наказаниям и измученные муштрой, с удовольствием последовали бы его примеру. Обращаясь к опыту прусской армии, мы можем

увидеть, что для борьбы с дезертирством использовались кавалерийские части, в которых около 1/3 набиралось на добровольной основе только из пруссаков, причем в случае дезертирства наказывались родные солдата. На марше кавалерия должна была не только прикрывать пехоту, но и конвоировать ее, пресекая попытки к бегству [55]. Когда мы говорим о преимуществе иррегулярных частей при ведении рейдовых действий, когда мы отмечаем их большую мобильность, нужно помнить, что эти качества обеспечивались не только особой военной традицией, но и более высокими моральными качествами солдат. Даже некоторые простейшие действия, не требующие особых тактик, в XVIII в. были доступны только иррегулярам. Так, глубокое преследование разгромленного противника регулярной кавалерией считалось невозможным именно из-за опасности дезертирства [56].

Таким образом, с чисто военной точки зрения в XVIII в. ситуация для восточноевропейских иррегулярных войск изменилась принципиально. Постоянные части взяли на себя их важнейшие функции по защите границ от набегов и стали способны к ведению длительных непрерывных войн. В то же время быстро выяснилось, что постоянные и иррегулярные части обладают совершенно разным набором достоинств и недостатков, которые сложились в ходе длительной эволюции во время войн с совершенно различными противниками. Подобная ситуация привела к резкому увеличению конкуренции между регулярными и иррегулярными частями и к многочисленным попыткам их реформ на основании чужого опыта. Но, прежде чем мы перейдем к более подобному рассмотрению этих процессов, имеет смысл остановиться на других событиях в Восточной Европе, оказавших непосредственное влияние на эволюцию иррегулярных частей.

Для восточноевропейских государств XVIII в. ознаменовался резким усилением централизации и формированием абсолютной монархии (исключением была только Польша, но она к концу столетия перестала существовать). А. Каппелер хорошо охарактеризовал влияние данного процесса на российское казачество: «Когда-то вольные казацкие войска на протяжении XVIII в. подвергались возрастающему контролю» [57]. Аналогичные тенденции имели место и в Австрии. К началу XVIII в. Военная Граница обладала достаточно широким самоуправлением на местном уровне, в соответствии с так называемым *Statuta valachorum*, принятым в 1630 г. [58]. Идея о предоставлении Военной Границе не только местного, но и регионального самоуправления путем воссоединения ее с автономной Хорватией, имела определенную поддержку даже у имперской элиты. В 1703 г. был уже подписан ряд императорских указов, регламентировавших передачу Военной Границы под власть хорватского бана. Однако в силу ни один из этих указов не вступил из-за восстания Ф. Ракоци [59]. Важно отметить, что хорватский сейм не поддержал данного восстания, сохранив верность Габсбургам [60]. Однако после его подавления вопрос о возможном переподчинении Военной Границы хорватским властям уже не ставился: имперское правительство желало сохранить над ними полный контроль. Данный процесс получил логическое завершение при Марии Терезии, когда в 1743 г. был ликвидирован руководивший Военной Границей особый Военный совет в Граце, и контроль над ней был передан непосредственно гофкригсрату (австрийский аналог военного министерства) [61]. Одновременно шло и наступление на местное самоуправление: в период 1737-1754 гг. все его элементы были ликвидированы [62]. Военная Граница была взята под полный правительственный контроль, сравнимый с тем, который имел место в российских военных поселениях. В Венгрии, где ситуация хуже контролировалась властями (напомним, что восстание Ф. Ракоци в начале XVIII в. закончилось фактически вничью и венгерская аристократия сохранила прежнее могущество) после Силезских войн имперские власти просто перестали созывать сейм, формально не ликвидировав местной автономии, но реально сведя ее к фикции из-за отсутствия основного представительского органа [63].

Таким образом, проблемы иррегулярных войск лежали не только в военной сфере. В абсолютистских Австрийской и Российской империях центральные власти вели наступление на автономные регионы, и под ударом неизбежно оказывались те органы местной власти, с которыми были связаны иррегулярные войска. Даже в том случае, если, как на Военной границе, подобные органы демонстрировали достаточно высокую лояльность, правительство предпочитало иметь дело не с выборными людьми, а с назначенными военной администрацией офицерами. Степень автономии различных восточноевропейских иррегулярных войск существенно различалась, поэтому где-то, как на

Военной Границе, прежняя выборность была уничтожена полностью [64], а где-то, как на Дону, ее элементы могли сохраниться на местном и даже региональном уровне [65]. Тем не менее, в целом XVIII в. ознаменовался попытками резкого усиления контроля над не только военной, но и гражданской жизнью иррегуляров.

И это порождало две новые проблемы. О первой из них мы уже кратко упоминали выше: следствием усиления правительственного контроля стали местные восстания, проводимые под лозунгом возрождения исторических традиций. Были и иные пути выражения недовольства политикой центральной власти. В частности, Новая Сербия появилась именно вследствие нежелания части граничар жить по новым правилам [66]. В этих условиях и без того не слишком дисциплинированные иррегулярные части делались еще опаснее для центральной власти. Но, на наш взгляд, еще более серьезной была вторая проблема. От местных и центральных властей требовалось в исторически ограниченные сроки разработать новые формы взаимодействия военной власти и населения иррегулярных войск, выработать такие институты, которые обеспечили бы и высокую боеспособность выставляемых частей, и дисциплину в мирное время, и нормальное гражданское развитие региона. Опыт регулярных войск тут не годился совершенно: большая их часть из-за угрозы дезертирства в мирное время находился в охраняемых лагерях [67], в то время как иррегуляры были хозяевами на своей земле. В результате возникающие формы гражданского управления были в лучшем случае удовлетворительными, и их функционирование даже в обычных условиях было затруднено. В Австрии ситуация дополнительно усложнялась из-за того, что большая часть имперских чиновников и офицеров была немецкого происхождения, и не знала ни славянских, ни венгерского языка. Так, на Военной Границе офицеры-славяне в XVIII в. фактически дискриминировались, и почти не имели шансов дослужиться до майора, а в судебной системе царил хаос и произвол из-за неспособности судей без помощи переводчиков понимать показания граничар (в свою очередь, переводчики зачастую переводили «как будет угодно начальству») [68]. В куда менее лояльной Габсбургам Венгрии попытка ввести немецкий язык в качестве государственного, предпринятая Иосифом II, полностью провалилась, однако до этого способствовала дестабилизации ситуации в стране [69].

Но даже в России, где языковая ситуация была значительно лучше, попытки изменить гражданское устройство иррегулярных частей не привели к особым успехам. Впрочем, некоторые дореволюционные авторы считали, что появление сколько-либо организованного гражданского правительства уже было шагом вперед, по сравнению с предыдущим периодом, когда анархия войскового круга сменялась диктатом атамана [70-71]. Однако на практике «гражданским» данное правительство можно было назвать только очень условно: большую его часть вплоть до XX в. составляли офицеры, зачастую лишенные достаточного опыта, а полностью разделить военные и гражданские функции не представлялось возможным [72]. Дополнительно ухудшал ситуацию тот факт, что число желающих занять чиновничьи вакансии было недостаточным, и зачастую важные выборные должности занимал единственный кандидат [73]. Наконец, если до XVIII в. милитаризованность гражданской жизни иррегулярных войск была закреплена главным образом традицией, то с этого времени она подтверждалась имперскими законами и установлениями.

Последним фактором, сыгравшим существенную роль в эволюции восточноевропейских иррегулярных войск в XVIII в., было явное ослабление позиций Османской империи. Поражение, которое последняя потерпела в войне со Священной лигой, существенно изменило соотношение сил в Восточной Европе в пользу христианских государств [74-75]. По мнению Д.В. Сеня, именно в это время в степном Причерноморье начали формироваться границы европейского типа, исключая возможность набегов [76]. На наш взгляд, аналогичная ситуация на Балканах была одной из причин, по которой хорватский сабор требовал не только переподчинения ему Военной границы, но и пересмотра ее административно-политического устройства в сторону демилитаризации [77]. Первоначальная задача восточноевропейских иррегулярных войск, защита от восточной агрессии, была в основном уже выполнена.

В этих условиях пограничный статус иррегулярных войск быстро утрачивал прежнее значение. Отдельные набег продолжались (так, на Дону последние из них датировались

1783 г.) [78], однако их масштаб значительно упал. Больше не было необходимости держать основную массу иррегуляров на восточных и южных границах, и это создало предпосылки для их массового участия в европейских войнах. Не случайно Н.И. Краснов датировал начало участия казаков во всех войнах Российской империи именно началом XVIII в. [79]. В.И. Фрейдзон считает XVIII в. эпохой максимального значения граничар в габсбургской армии, и так же отмечает, что с этого времени началось их привлечение к участию во всех войнах австрийской монархии, независимо от их географии [80]. Широко известно, что в 1814 г. казаки дошли до Парижа, но за два года до этого граничарские части в составе армии Наполеона участвовали в походе на Москву (в 1809 г. часть Военной Границы в составе Иллирийских провинций была присоединена к Франции) [81]. Таким образом, если в предыдущие столетия восточноевропейские иррегулярные войска были локальной силой, своеобразной приметой христианско-мусульманской границы, то с XVIII в. география их массового применения в вооруженных конфликтах распространилась от Москвы до Парижа. Следует отметить, что менее четко привязанные к определенной территории иррегулярные части, подобные стрельцам, и до этого принимали участие в службе на отдаленных театрах военных действий, однако при этом частыми были бунты и требования вернуть их домой, если война затягивалась [82].

Значимым результатом расширения географии применения восточноевропейских иррегулярных войск стало появление у них нового противника: гусарам, казакам, уланам, граничарам все чаще приходилось сражаться с европейскими постоянными армиями. Ярчайшим примером такого противостояния стала Семилетняя война, в ходе которой Австрия и Россия сумели использовать свою иррегулярную кавалерию в качестве значимого козыря при столкновении с первоклассной армией западноевропейского образца на ее территории. Эффект, произведенный на пруссаков кроатами (кавалерийские части с Военной Границы) и особенно казаками, оказался неизгладимым. И.В. Архенгольц, участник Семилетней войны, описывал последних с почти суеверным ужасом. «Между тем легкие отряды русских, в числе 12 000 казаков, калмыков и татар, произвели в стране столь ужасные опустошения огнем и мечом, каких Европа не испытывала со времени нашествия гуннов. Эти изверги убивали и калечили безоружных людей с сатанинским наслаждением». Далее прусский офицер уделяет целый абзац описанию зверств, обвиняя казаков даже в разрытии могил и разрывании людей на части [83]. Рассказы о «диких» казаках начали складываться именно в то время, и основной причиной их зарождения, на наш взгляд, было полное непонимание европейцами тактики иррегулярных войск, о которой мы писали выше. Возникшие в условиях постоянных набегов и фуражирующие за счет местного населения, они действительно могли показаться чем-то, с одной стороны, крайне эффективным, а с другой – невероятно варварским, относящимся к давно прошедшей эпохе.

Но постепенная потеря приграничного статуса вела и к другим изменениям, возможно, менее заметным, но более глубоким. Менялся уклад жизни, и эти изменения были тем сильнее, чем опаснее первоначально были зоны проживания иррегулярного войска. Неоднократно упоминавшийся нами Н.И. Краснов считал, что если до XVIII в. казаки были исключительно воинами, то с этого времени каждый из них выступал в социальной роли как «воина», так и «гражданина», причем чем успешнее было его хозяйство, тем неохотнее он служил [84]. Гендерное распределение ролей у граничар, когда в роли хозяйки выступала женщина, а мужчина был воином и защитником, на наш взгляд, так же было порождено специфическими условиями опасного пограничья. В результате прежний уклад жизни, укорененный в традициях восточноевропейских иррегулярных войск, постепенно становился не соответствующим новым реалиям. Ситуацию дополнительно усложняли реформы гражданского управления, связанные с абсолютистской тенденцией, которые могли как стремительно ускорить распад исторического уклада, так и затормозить его. Пока что этот фактор был второстепенным по сравнению с остальными приведенными нами, но в XIX в. ему предстояло выйти на первую роль.

Итак, три совпавших по времени события сделали неизбежным преобразование иррегулярных войск в XVIII в. Этими событиями являлись появление постоянных армий, рост абсолютистских тенденций в восточноевропейских государствах и постепенная ликвидация границ азиатского типа. В очень общем виде на эти факторы указывал еще М.А. Глазенкампф в своей статье для «Энциклопедии военных и морских наук». Им были

отмечены и «беспорядки» в организации иррегуляров, и «опасность» служащих в них солдат в мирное время, и уменьшение роли иррегулярных частей по мере обеспечения границ. Кроме того, он предложил термин «регуляризованные» для тех частей, которые в результате правительственных реформ оказались полностью поглощены постоянной армией [85]. Развивая предложенную им терминологию, мы считаем возможным назвать начало XVIII в. периодом «первого кризиса восточноевропейских иррегулярных войск», а процесс, который начался параллельно во всех иррегулярных войсках от Адриатики до Урала в XVIII в. мы предлагаем именовать «регуляризацией».

На первом этапе этого процесса постоянные и иррегулярные части сосуществовали, и их влияние друг на друга носило спорадический и случайный характер. Уничтожение Петром I стрельцов было исключением, продиктованным скорее политическими, чем военными факторами. Более того, в 1709 г. из остатков стрелецких полков им же была сформирована ландмилиция, взявшая на себя функцию охраны южных окраин [86]. В свою очередь, гусарские полки европейских армий, например, французской, хотя и состояли из наемников, были так же малодисциплинированы, как и иррегулярные полки [87]. На наш взгляд, большая часть реформ иррегулярных войск этого периода была связана не с эволюцией военного дела, а с растущей централизацией и вызываемыми ей восстаниями. Достаточно активно шел процесс создания новых иррегулярных войск: в России, помимо ландмилиции, создавались новые казачьи войска [88], в Австрии учреждались новые участки Военной Границы [89]. Один из самых ярких и амбициозных проектов этого периода был связан с неоднократно упоминавшейся нами Новой Сербией. На его неудаче, в виду ее симптоматичности, имеет смысл остановиться более подробно.

Гусарские полки в российской армии начали формироваться при Анне Иоанновне, как и во многих других странах, из балканских наемников [90]. Гусарская кавалерия была достаточно востребована, российская казна пребывала в плачевном состоянии [91], и уже следующая правительница, Елизавета Петровна, с интересом отнеслась к предложениям И. Хорвата, полковника австрийской службы. Следует отметить, что Военная Граница в это время опережала в развитии казачьи войска и переживала уже второй этап регуляризации, о котором мы подробнее будем писать ниже. Именно недовольство новыми порядками и привело к появлению проекта И. Хорвата: последний предлагал организовать переселение граничар в Россию, если российская императрица выделит им территорию и даст жить по прежним правилам [92]. И. Хорват получил генеральский чин на русской службе, обширные полномочия и денежные суммы... и полностью провалил реализацию предложенного им проекта.

Н. Спичинский, инспектировавший Новую Сербию, отмечал, что у ее солдат полностью отсутствовала строевая подготовка, учения не проводились из-за отсутствия пуль и пороха, а сами солдаты не знали, где купить форму (как мы видим, почти полное совпадение с проблемами, отмеченными М.Ю. Романовым в стрелецких полках) [93]. Когда началась Семилетняя война, Новая Сербия смогла выставить всего 1 093 гусаров, отличавшихся плохой выучкой и снаряжением [94]. Зато поселенцы создавали массу проблем для российской дипломатии, совершая набеги на соседей, в частности польских магнатов [95]. Безусловно, вложив в создание российского аналога Военной границы 700 000 рублей, центральная власть могла рассчитывать на большие успехи [96].

Схожие недостатки были характерны для многих других иррегулярных войск первого периода регуляризации. Многочисленные на бумаге, на практике они часто выставляли не такие большие отряды сомнительной боеспособности. В частности, российскую ландмилицию даже не пытались использовать во время крупных войн, а такой крупный военный деятель, как П.А. Румянцев, став генерал-губернатором Малороссии, просто расформировал большую часть поселенных отрядов, возложив охрану границы на регулярные части и казаков [97]. В то же время, как показывает пример венгерского ополчения во время войны за Австрийское наследство, в случае патриотического подъема иррегулярные части могли быть даже многочисленнее, чем предполагалось, а недостаток муштры в какой-то степени компенсировался высоким боевым духом [98]. В конечном счете эффективность иррегулярных частей оказывалась связана со множеством факторов, некоторые из которых, например, уровень военной подготовки в семьях, можно было просчитать заранее, но большая часть едва ли поддавалась учету. Так, во время войны за

Австрийское наследство многие современники полагали, что венгерский сейм, несколько десятилетий назад пытавшийся свергнуть Габсбургов, не поддержит Марию Терезию, и не выставит для нее войск. По наиболее распространенной версии, решающими для начала патриотического подъема оказались абсолютно субъективные факторы: на эмоциональных венгров огромное впечатление произвела речь юной королевы, просившей их о защите (сама Мария Терезия позднее признавала, что ее власть спасли именно венгерские магнаты) [99-100].

Ситуация начала стремительно меняться в 1740 г., причем одна из причин этих изменений лежала вне самих иррегулярных войск. Королем Пруссии стал Фридрих II, которому вскоре предстояло лично столкнуться с венгерскими гусарами. В 1741 г, во время первой Силезской войны, он убедился, что австрийская легкая кавалерия легко прорывается через прусские кордоны и уничтожает отделившиеся от главных сил части. Вскоре, во время одной из вылазок, сам Фридрих едва не попал в плен [101]. Во время первого своего крупного сражения, под Мольвицем, прусский король убедился в полной не боеспособности своей кавалерии [102]. Результатом этого стала серия военных реформ, приведшая к росту значения регулярной легкой кавалерии и серьезным изменениям в военном деле. Фридрих Великий вернулся к использованию быстрой атаки с холодным оружием [103], причем гусарским частям во время нее отводилась особая роль. Число гусарских полков в прусской армии было увеличено в четыре раза [104], и теперь они должны были во время атаки заходить во фланг и тыл противнику, разбивая его строй и облегчая фронтальную атаку кирасир и драгун [105]. Сам по себе этот тактический ход не был новинкой: подобную тактику при комбинированной атаке с тяжелой кавалерией, по свидетельству Н.И. Краснова, использовали казаки [106]. Кроме того, прусские гусары обучались рейдам в тыл противника и аванпостовой службе, из расчета на то, что им предстоит противостоять в этой роли австрийским иррегулярным частям [107].

Таким образом, Фридрих Великий первым разглядел потенциал использования полностью регулярными частями иррегулярной тактики. Однако результат получился довольно неожиданным. Как показала Семилетняя война, прусские гусары все равно не могли на равных сражаться с казаками, гусарами и кроатами во время мелких стычек и рейдов. Мы уже писали о рейде граничар на Берлин; для их преследования был выделен целый корпус, кавалерией которого командовал знаменитый Ф.В. Зейдлиц. Более того, пути отступления были перерезаны главными силами прусской армии под командованием самого короля. Тем не менее, австрийцам удалось, благодаря умелому применению иррегулярных тактик, избежать какого-либо столкновения с противником [108]. Если русским и австрийцам удавалось действовать неожиданно, как, например, во время набегов на Берлин, то все маневры прусской армии оказывались обнаружены российской кавалерией, что давало ей серьезное преимущество [109]. Да и столкновения русских гусар и казаков с прусскими гусарами в мелких стычках почти всегда заканчивались в пользу первых [110].

Зато комбинированная атака тяжелой и легкой регулярной кавалерии оказалась крайне эффективной, на какое-то время став уникальным оружием прусской армии. Наиболее ярко это продемонстрировало Цорндорфское сражение, в ходе которого русским дважды удалось опрокинуть пехоту противника, однако благодаря действиям прусской кавалерии поле боя осталось за пруссаками [111]. По мнению Ф. Энгельса, большая часть других побед Пруссии в Семилетнюю войну так же была одержана именно благодаря новой организации и новым тактикам кавалерии [112]. На какое-то время благодаря такому прорыву в военном деле прусские конные части могли даже выполнять функции, традиционно отводимые пехоте: так, упомянутый Ф.В. Зейдлиц одними кавалерийскими частями выбивал неприятельскую пехоту с укрепленных позиций и лобовой атакой брал неприятельские батареи (любопытно отметить, что в знаменитом Кунерсдорфском сражении это обстоятельство привело к увеличению прусских потерь: Фридрих в отчаянии отдал приказ силами одной кавалерии атаковать русские батареи, расположенные на холме [113]). Безусловно, победы одерживали не только гусары, но и другие кавалерийские части. Но Фридрих Великий сумел именно эффективно совместить тактики регулярных и иррегулярных войск, и в дальнейшем это оказало решающее влияние на судьбы гусар и уланов.

Российская и австрийская армии, столкнувшись с прусской регулярной кавалерией, были вынуждены искать конрмеры. Их драгунские и кирасирские подразделения сами по

себе не справлялись с равными по численности отрядами пруссаков, и только применение комбинированных тактик с заходом иррегуляров во фланг давало им шанс за счет преимущества казаков и кроатов над прусскими гусарами [114]. На наш взгляд, именно в это время складывалось разделение ролей между регулярной и иррегулярной кавалерией, закрепленное в изданиях XIX в. Так, «Военный лексикон» утверждал, что иррегулярная кавалерия в принципе не приспособлена к действиям в сомкнутом строю и предназначена для «малой войны» [115]. Н.И. Краснов, характеризуя действия казачьих частей, так же указывал на их особую эффективность в данной области [116]. Наконец, Ф. Энгельс, признавая преимущество иррегуляров в мелких стычках, отмечал, что в крупных сражениях они эффективны только против потерявших строй частей [117]. Единственным способом использования иррегулярной кавалерии вне преследования противника, рейдовых и аванпостовых действий так и осталась описанная комбинированная тактика, при которой иррегуляры заходили противнику с флангов. Однако степень эффективности иррегулярных частей при подобном применении остается дискуссионной. С одной стороны, как мы писали выше, подобный тактический ход приносил победы русским и австрийцам в Семилетнюю войну. С другой стороны после нее австрийская кавалерия была реформирована по прусскому образцу [118], а в России были ликвидированы слободские и поселенные гусарские полки, вместо которых создавались регулярные гусарские части [119]. Следовательно, и в России и в Австрии регулярные гусары были признаны эффективнее гусар иррегулярных. Только кроаты и казаки в подобных фланговых атаках не уступали, и даже превосходили регулярную кавалерию [120], однако Военная Граница, как мы показали выше, была единственным регионом, где удалось совместить иррегулярный принцип службы и муштровку, а казаки являлись «естественными воинами», у которых необходимость военного обучения проявилась только к середине XIX в. из-за угасания военных традиций в станицах [121].

Экспериментировал Фридрих II с иррегулярной пехотой, однако здесь он преследовал совершенно иные цели и задачи. Уже после Семилетней войны в прусской армии восторжествовала так называемая кантонная система, имеющая сходство с организацией иррегулярных частей. Дело в том, что в прусской армии вербовкой и оплатой службы занимались сами офицеры, которым для этих целей выдавалась фиксированная сумма. В соответствии с кантонной системой им разрешалось вербовать собственных крестьян, давать им минимальное военное обучение, а затем распускать до войны [122]. На наш взгляд, в этом случае, как и в большинстве прочих, когда в постоянных армиях вводились не тактические, а организационные особенности иррегулярных частей, экономические факторы возобладали над чисто военными. Из Семилетней войны Пруссия вышла разоренной, и только государственные расходы на восстановление страны составили 24 399 838 талеров [123]. Сам Фридрих Великий сравнивал разорение Пруссии с разорением Германии после Тридцатилетней войны [124]. В прежние, более благополучные годы, прусский король не пытался проводить подобных экспериментов. Какого-либо развития и продолжения кантонная система в Пруссии не имела и была отменена в начале XIX в, хотя некоторые авторы считали ее предшественницей всеобщей воинской повинности [125]. Зато в 1798 г. кантонная система была введена на восточных окраинах России, в Пермской и Оренбургской губерниях, для казачьего, башкирского и мещерского населения. Хотя российский и прусский варианты кантонной системы имели существенные различия (в прусском главную роль в приписке к кантону играла принадлежность солдат-крепостных крестьян одному хозяину, а в русском – проживание лично свободных казаков или башкир на одной территории), характерно, что кантонная система была введена в России именно для иррегулярных войск, и для них, в отличие от регулярных частей прусской армии, оказалась достаточно эффективна, просуществовав до 1865 г. [126].

Таким образом, с 1740 гг. постоянные армии начали активно перенимать опыт иррегулярных войск, заимствуя у них различные тактики и организационные элементы. По-прежнему уступая иррегулярам в дешевизне и боевом духе, регулярные гусары отличались лучшей дисциплиной и военной выучкой. Введение кантонной системы способствовало уменьшению военных затрат в Пруссии. Однако и некоторые иррегулярные войска начали перенимать опыт постоянных армий. Процесс начался с Военной Границы, на которой условия середины XVIII в. располагали к этому в наибольшей степени.

Нужно отметить, что финансовые проблемы во владениях Габсбургов возникали почти постоянно. Война за Австрийское наследство особенно ярко обнажила данную проблему: значительную часть военных расходов была вынуждена взять на себя союзная Австрии Великобритания, поскольку в имперской казне денег не осталось [127]. Кроме того, опыт использования венгерского ополчения в ходе данной войны, как мы указывали выше, оказался крайне удачным. Поэтому нет ничего удивительного в том, что еще до завершения военных действий центральное правительство начало реформировать Военную границу, пытаясь обеспечить максимальную боеспособность граничарских частей. Теперь Военная граница делилась на полки, представляющие собой как военные, так и территориально-административные образования [128] (в отечественной историографии их так же именуют «региментами», от немецкого слова *regiment*). Полки были разделены на роты, а роты на общины, причем во главе всех этих образований стояли кадровые офицеры, исполняющие обязанности как командиров в военное время, так и чиновников в мирное [129]. В дальнейшем в подобное устройство вносились изменения (в 1766 г. между полком и ротой была создана батальонная инстанция [130]), однако неизменным оставалось полное подчинение гражданской жизни и гражданского управления краем военным. Было введено правильное военное обучение, единым командным языком стал немецкий, оплата офицерских должностей была унифицирована, а требования к желающим занять офицерские вакансии серьезно ужесточились [131]. Выше мы писали, что с точки зрения гражданского и экономического развития реформы иррегулярных войск в XVIII в. были крайне сомнительны. Тем не менее, они отвечали своей главной цели: если организованная по прежнему образцу Новая Сербия продемонстрировала в Семилетнюю войну полную военную неэффективность, то Военная Граница напротив, с честью вышла из испытания войной [132]. Однако очень немногие восточноевропейские иррегулярные войска последовали по этому пути.

Например, в Венгрии и Польше аналогичные процессы просто не начались. Как известно, Речь Посполитая потеряла значительную часть казачьих территорий еще в XVII в., а на оставшихся под ее властью землях гетманат был ликвидирован в 1699 г. [133]. Последним иррегулярным войском в ее армии остались уланы, однако их развитие еще до 1740 г. пошло по совершенно особому пути. В значительной степени это было обусловлено крайне специфическим политическим устройством Польши, существованием польско-саксонской унии: например, в Семилетнюю войну Речь Посполитая сохраняла нейтралитет, однако ее король в качестве саксонского курфюрстра активно участвовал в военных действиях. По этой причине уланские полки, входящие в число наиболее боеспособных польских частей, формально до 1764 г. были включены в состав не польской, а саксонской армии [134]. Их организация была близка организации гусарских полков западных армий до Фридриха Великого: уланские полки стали наемными, однако служили в них только татары, изучением тактики которых никто не занимался. Поэтому в Семилетнюю войну появление улан стало неожиданностью для пруссаков и произвело на них большое впечатление (И.В. Архенгольц сравнивал их тактику с тактикой парфян) [135]. После войны регулярные уланские части начали формироваться и за пределами Польши [136], причем на первом этапе имели место определенные эксперименты. Например, в России первоначально пытались в очередной раз сэкономить, создавая поселенные пикинерские полки. Однако практика в очередной раз показала неэффективность подобных практик: один из полков в ходе русско-турецкой войны 1769-1774 г. дезертировал в полном составе. Хотя под угрозой наказания родственников солдат удалось вернуть, и к концу войны пикинеры действовали вполне эффективно, в 1783 г. было решено закончить с экспериментами и сформировать из поселенных пикинеров регулярные легко-конные полки [137]. В дальнейшем, после разделов Речи Посполитой, уланские части формировались уже в полном соответствии с принципами организации регулярной армии, хотя и сохранили прежнюю тактику, и в восточноевропейских странах предпочитали вербовать в подобные подразделения поляков и татар [138].

В Венгрии специфика ситуации была несколько иной. После восстания Ф. Ракоци и наглядной демонстрации силы венгерского ополчения во время войны за Австрийское наследство имперские власти действовали в этой стране крайне осторожно [139]. В итоге

гусарские части были просто постепенно переподчинены Вене [140], а затем, как мы писали выше, реформированы по прусскому образцу.

Что касается России, то в ней аналогичные процессы начались несколько позднее. На это до нас указывал А.И. Кирпиченко, обращавший внимание, что реформы Военной Границы 1740 г. близки к преобразованиям казачьих войск 1760-1770 г. [141]. Причины такой задержки, на наш взгляд, следует искать как в объективных, так и в субъективных факторах. С одной стороны, Россия не испытала в 1740 г. таких потрясений, как Австрия, и проблемы боеспособности иррегулярных войск не имели для нее такой значимости. С другой стороны, Елизавета Петровна не была реформатором такого масштаба, как Мария Терезия. Поэтому нет ничего удивительного, что реформы иррегулярных войск в России начались после получения опыта Семилетней войны и восшествия на престол Екатерины II. Был реализован как граничарский вариант, с полной милитаризацией гражданской жизни иррегуляров и жестким подчинением их военным властям, так и польско-венгерский, с ликвидацией иррегулярных частей и созданием на их месте регулярных подразделений. Поскольку регуляризация шла теми же путями, что и в других восточноевропейских странах, мы не будем подробно останавливаться на ее деталях. Отметим лишь, что одной из первых была уничтожена Новая Сербия. Земли поселенцев были включены в состав новосоздаваемой Новороссийской губернии [142], особая военная структура на их территориях упразднена [143]. В 1760-1780 г. были ликвидированы так же ландмилиция, поселенные полки и слободские войска, зато на людей, прежде отбывавших прежде службу в этих частях распространялась воинская повинность [144]. Одновременно казаки в плане тактического использования и общего уровня подготовки постепенно приближались к регулярной кавалерии. Н.И. Краснов даже считал, что к началу XIX в. казаки перестали быть иррегулярной кавалерией и стали кавалерией легкой [145]. Меры для достижения этой цели были близки тем, что имели место на Военной границе. В частности, на Дону военная и гражданская власть была сосредоточена в руках назначаемого атамана, офицерские чины были уравнены с армейскими, а Войсковой круг фактически лишен полномочий [146].

Выводы

Итак, регуляризация восточноевропейских иррегулярных войск XVIII в. была достаточно сложным и многовариантным процессом, а ликвидированные в ее ходе части не пропали бесследно. Само их уничтожение стало возможно только после того, как постоянные армии восприняли их опыт, и в них появились крупные отряды легкой кавалерии, сознательно использующие первоначально иррегулярные тактики. Если до 1740 г. немногочисленные прусские, французские и испанские гусарские, саксонские уланские полки были своеобразной экзотикой, не оказывавшей существенного влияния на ход военных действий, то после реформ Фридриха II более обученные, более подконтрольные центральной власти, способные выполнять большую часть функций иррегуляров части регулярной легкой кавалерии вытеснили большую часть иррегулярных войск за считанные десятилетия.

Зато те иррегулярные войска, которые не были ликвидированы во время первого кризиса иррегулярности, стали значительно более мощным, специализированным и покорным центральной власти оружием. Фактически, их функция внутри вооруженных сил России и Австрии была полностью изменена: из охранников границ казаки и граничары превратились в легкие части, обеспечивающие действия регулярной армии. Такой авторитет в военном деле, как Наполеон, полагал, что казаки и кроаты составляют лучшие легкие подразделения в Европе [147].

Примечания:

1. Peretyatko A.Y. «European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals // Военный сборник, 2015, Vol.(8), Is. 2. P. 104-118.
2. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб.: Военная типография, 1870. С. X.
3. Архенгольд И.В. История Семилетней войны. М.: АСТ, 2001. С. 82.
4. Peretyatko A.Y. «European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals. P. 104-118.

5. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии // Меринг Ф. История войн и военного искусства. СПб.: Полигон, 2000. С. 127-129.
6. Романов М.Ю. Стрельцы московские. М.: Гос. публ. ист. библиотека России, 2004. С. 56.
7. Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 55-56.
8. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. Минск: Харвест, 2002. С. 124.
9. Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 56.
10. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 120.
11. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 55.
12. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 119.
13. Меринг Ф. От Тильзита до Таурогена // Меринг Ф. История войн и военного искусства. С. 307.
14. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 86.
15. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 136-138.
16. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 132.
17. Керсновский А.А. История русской армии. Смоленск: Русич, 2004. С. 95.
18. Фрейдзон В.И. История Хорватии. СПб.: Алетейя, 2001. С. 76.
19. Березин, Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1879. С. 349.
20. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 78.
21. Керсновский А.А. История русской армии. С. 259-264.
22. Керсновский А.А. История русской армии.
23. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 127-129.
24. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 101-102.
25. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 129.
26. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. Hong Kong: Arms & Armour, 1993. С. 162.
27. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М.: Эксмо, 2003. С. 129-130.
28. Шимов Я. Австро-Венгерская империя.
29. Пронштейн А.П, Мининков Н.А. Кондратий Афанасиевич Булавин. М.: Просвещение, 1988. С. 88-89.
30. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 77-78.
31. Меринг Ф. Внешняя и военная политика Фридриха II // Меринг Ф. История войн и военного искусства. С. 196.
32. Меринг Ф. Внешняя и военная политика Фридриха II. С. 129.
33. Энгельс Ф. Кавалерия // Энгельс Ф. О военном искусстве. О теории насилия. М., СПб.: Эксмо, Terra Fantastica, 2003. С. 114-115.
34. Энгельс Ф. Кавалерия. С. 115.
35. Керсновский А.А. История русской армии. С. 52.
36. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 170-171.
37. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 192.
38. Керсновский А.А. История русской армии. С. 89.
39. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 452.
40. Архенгольц И.В. История Семилетней войны. С. 80.
41. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76-77.
42. Керсновский А.А. История русской армии. С. 258.
43. Березин, Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 349.
44. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М.: тип. М.П. Щепкина, 1885. С. XXXVIII.
45. Керсновский А.А. История русской армии. С. 61.
46. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 142.
47. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 143.
48. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 378-379.
49. Меринг Ф. Внешняя и военная политика Фридриха II. С. 191.
50. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 276.
51. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76.

52. Энгельс Ф. Армии Европы // Энгельс Ф. О военном искусстве. О теории насилия. С. 233.
53. Государственный архив Ростовской Области. Ф. 344. Оп. 1. Д. 1046. Л. 1-17.
54. Веревкин М.И. Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова // М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М.-Л.: Издат. Акад. наук СССР, 1962. С. 46-47.
55. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 142.
56. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 143.
57. Капшлер А. Казачество. История и легенды. Ростов-на-Дону: изд. ЮФУ, 2014. С. 44.
58. Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 326-327.
59. Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 329.
60. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 66.
61. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76.
62. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76-77.
63. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. С. 129-130.
64. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76-77.
65. Перетягтько А.Ю. Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. С. 211-228.
66. Кирпиченок А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.» // Петербургская библиотечная школа. 2006. № 1-2. С. 114-115.
67. Меринг Ф. Внешняя и военная политика Фридриха II. С. 175.
68. Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 332-333.
69. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. С. 168-169.
70. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1863. С. 59-60, 63.
71. Номикосов С. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск: Войсковая типография, 1884. С. 32.
72. Перетягтько А.Ю. Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. С. 211-228.
73. Горбунова Н.В. Донское казачество как институт самоорганизации: некоторые исторические реалии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2011. №6. С. 55-60.
74. Сень Д.В. Османская империя и Крымское ханство во второй половине XVII – начале XVIII в.: управление пограничными процессами и характер взаимоотношений // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. С. 517.
75. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 65.
76. Сень Д.В. Османская империя и Крымское ханство во второй половине XVII – начале XVIII в.: управление пограничными процессами и характер взаимоотношений. С. 517.
77. Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 328.
78. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. С. 59.
79. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. X.
80. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76.
81. Фрейдзон В.И. История Хорватии.
82. Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 191-193.
83. Архенгольц И.В. История Семилетней войны. С. 82.
84. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XIII.
85. Энциклопедия военных и морских наук. Т. IV. СПб.: тип. В. Безобразова, 1888. С. 380.
86. Керсновский А.А. История русской армии. С. 45.
87. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 206.
88. Керсновский А.А. История русской армии. С. 45.
89. Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 329.
90. Керсновский А.А. История русской армии. С. 60.
91. Керсновский А.А. История русской армии. С. 61.

92. Кирпиченок А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.». С. 115.
93. Кирпиченок А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.». С. 118.
94. Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII века. М.: Наука, 1982. С. 238.
95. Кирпиченок А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.». С. 118.
96. Кирпиченок А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.». С. 119.
97. Керсновский А.А. История русской армии. С. 100.
98. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 276.
99. Mahan J.A. Maria Theresa of Austria. New York: Thomas Y. Crowell Pub., 1932. P. 117.
100. Asprey R.B., Frederick the Great: The Magnificent Enigma. New York: Ticknor & Fields, 1986. P. 290.
101. Кони Ф. Фридрих Великий. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 131.
102. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 263.
103. Энгельс Ф. Кавалерия. С. 115-116.
104. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 162.
105. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 183.
106. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XII.
107. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 189-191.
108. Архенгольц И.В. История Семилетней войны. С. 80.
109. Керсновский А.А. История русской армии. С. 92.
110. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 192-193.
111. Керсновский А.А. История русской армии. С. 84.
112. Энгельс Ф. Кавалерия. С. 117.
113. Архенгольц И.В. История Семилетней войны. С. 212.
114. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 191-193.
115. Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. Ч. 6. СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1843. С. 160.
116. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XII.
117. Энгельс Ф. Кавалерия. С. 130.
118. Энгельс Ф. Кавалерия. С. 117.
119. Керсновский А.А. История русской армии. С. 100.
120. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XII.
121. Номикосов С. Статистическое описание Области Войска Донского. С. 134.
122. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 134.
123. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 702.
124. Меринг Ф. Внешняя и военная политика Фридриха II. С. 174.
125. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 134.
126. Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798—1865). Уфа: Китап, 2005. С. 19, 243.
127. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. С. 140.
128. Березин, Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 330.
129. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76.
130. Березин, Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 334.
131. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76-77.
132. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 78.
133. Каппелер А. Казачество. История и легенды. С. 29-30.
134. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 208.
135. Архенгольц И.В. История Семилетней войны. С. 276.
136. Львов С. Армейские уланы России в 1812 г. М.: Восточный горизонт, 2002. С. 5.
137. Львов С. Армейские уланы России в 1812 г. С. 5-6.

138. Львов С. Армейские уланы России в 1812 г. С. 6-7.
 139. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. С. 146.
 140. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. С. 162.
 141. Кирпиченко А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.». С. 114-115.
 142. Кирпиченко А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.». С. 119.
 143. Керсновский А.А. История русской армии. С. 100.
 144. Керсновский А.А. История русской армии.
 145. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. X.
 146. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. С. 58-59.
 147. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XII.

References:

1. Peretyatko A.Y. «European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals // Voennyi Sbornik, 2015, Vol.(8), Is. 2. P. 104-118.
2. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. SPb.: Voennaya tipografiya, 1870. S. X.
3. Arkhengol'ts I.V. Istoriya Semiletnei voiny. M.: AST, 2001. S. 82.
4. Peretyatko A.Y. «European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals. P. 104-118.
5. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii // Mering F. Istoriya voyn i voennogo iskusstva. SPb.: Poligon, 2000. S. 127-129.
6. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie. M.:Gos. publ. ist. biblioteka Rossii, 2004. S. 56.
7. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie. S. 55-56.
8. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. Minsk: Kharvest, 2002. S. 124.
9. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie. S. 56.
10. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 120.
11. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 55.
12. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 119.
13. Mering F. Ot Til'zita do Taurogena // Mering F. Istoriya voyn i voennogo iskusstva. S. 307.
14. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 86.
15. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 136-138.
16. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 132.
17. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. Smolensk: Rusich, 2004. S. 95.
18. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. SPb.: Aleteiya, 2001. S. 76.
19. Berezin, L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. SPb.: Tip. i khromolit. A. Transhelya, 1879. S. 349.
20. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 78.
21. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 259-264.
22. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii.
23. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 127-129.
24. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 101-102.
25. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 129.
26. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. Hong Kong: Arms & Armour, 1993. С. 162.
27. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya. M.: Eksmo, 2003. S. 129-130.
28. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya.
29. Pronshtein A.P, Mininkov N.A. Kondratii Afanasievich Bulavin. M.: Prosveshchenie, 1988. S. 88-89.
30. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 77-78.
31. Mering F. Vneshnyaya i voennaya politika Fridrikha II // Mering F. Istoriya voyn i voennogo iskusstva. S. 196.
32. Mering F. Vneshnyaya i voennaya politika Fridrikha II. S. 129.

33. Engel's F. Kavaleriya // Engel's F. O voennom iskusstve. O teorii nasiliya. M., SPb.: Eksmo, Terra Fantastica, 2003. S. 114-115.
34. Engel's F. Kavaleriya. S. 115.
35. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 52.
36. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 170-171.
37. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 192.
38. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 89.
39. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 452.
40. Arkhengol'ts I.V. Istoriya Semiletnei voiny. S. 80.
41. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76-77.
42. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 258.
43. Berezin, L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 349.
44. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. M.: tip. M.P. Shchepkina, 1885. S. XXXVIII.
45. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 61.
46. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 142.
47. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 143.
48. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 378-379.
49. Mering F. Vneshnyaya i voennaya politika Fridrikha II. S. 191.
50. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 276.
51. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76.
52. Engel's F. Armii Evropy // Engel's F. O voennom iskusstve. O teorii nasiliya. S. 233.
53. Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi Oblasti. F. 344. Op. 1. D. 1046. L. 1-17.
54. Verevkin M.I. Zhizn' pokoinogo Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova // M.V. Lomonosov v vospominaniyakh i kharakteristikakh sovremennikov. M.-L.: Izdat. Akad. nauk SSSR, 1962. S. 46-47.
55. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 142.
56. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 143.
57. Kappeler A. Kazachestvo. Istoriya i legendy. Rostov-na-Donu: izd. YuFU, 2014. S. 44.
58. Berezin L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 326-327.
59. Berezin L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 329.
60. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 66.
61. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76.
62. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76-77.
63. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya. S. 129-130.
64. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76-77.
65. Peretyat'ko A.Yu. Voennaya organizatsiya i voенное upravlenie Oblasti Voiska Donskogo vo vtoroi polovine XIX v. Rostov-na-Donu, SKNTs VSh YuFU, 2014. S. 211-228.
66. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.» // Peterburgskaya bibliotchnaya shkola. 2006. № 1-2. S. 114-115.
67. Mering F. Vneshnyaya i voennaya politika Fridrikha II. S. 175.
68. Berezin L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 332-333.
69. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya. S. 168-169.
70. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo. SPb.: Tip. Departamenta General'nogo shtaba, 1863. S. 59-60, 63.
71. Nomikosov S. Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo. Novocherkassk: Voiskovaya tipografiya, 1884. S. 32.
72. Peretyat'ko A.Yu. Voennaya organizatsiya i voенное upravlenie Oblasti Voiska Donskogo vo vtoroi polovine XIX v. S. 211-228.
73. Gorbunova N.V. Donskoe kazachestvo kak institut samoorganizatsii: nekotorye istoricheskie realii // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. 2011. №6. S. 55-60.
74. Sen' D.V. Osmanskaya imperiya i Krymskoe khanstvo vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII v.: upravlenie pogranichnymi protsessami i kharakter vzaimootnoshenii // Granitsy i pogranich'e v yuzhnorossiiskoi istorii: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 26–27 sentyabrya 2014 g.). Rostov-na-Donu, 2014. S. 517.

75. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 65.
76. Sen' D.V. Osmanskaya imperiya i Krymskoe khanstvo vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII v.: upravlenie pogranichnymi protsessami i kharakter vzaimootnoshenii. S. 517.
77. Berezin L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 328.
78. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo. S. 59.
79. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. X.
80. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76.
81. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii.
82. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie. S. 191-193.
83. Arkhengol'ts I.V. Istoriya Semiletnei voiny. S. 82.
84. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XIII.
85. Entsiklopediya voennykh i morskikh nauk. T. IV. SPb.: tip. V. Bezobrazova, 1888. S. 380.
86. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 45.
87. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 206.
88. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 45.
89. Berezin L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 329.
90. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 60.
91. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 61.
92. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 115.
93. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 118.
94. Bazhova A. P. Russko-yugoslavyanskije otnosheniya vo vtoroi polovine XVIII veka. M.: Nauka, 1982. S. 238.
95. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 118.
96. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 119.
97. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 100.
98. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 276.
99. Mahan J.A. Maria Theresa of Austria. New York: Thomas Y. Crowell Pub., 1932. P. 117.
100. Asprey R.B., Frederick the Great: The Magnificent Enigma. New York: Ticknor & Fields, 1986. P. 290.
101. Koni F. Fridrikh Velikii. Rostov-na-Donu: Feniks, 1997. S. 131.
102. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 263.
103. Engel's F. Kavaleriya. S. 115-116.
104. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 162.
105. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 183.
106. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XII.
107. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 189-191.
108. Arkhengol'ts I.V. Istoriya Semiletnei voiny. S. 80.
109. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 92.
110. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 192-193.
111. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 84.
112. Engel's F. Kavaleriya. S. 117.
113. Arkhengol'ts I.V. Istoriya Semiletnei voiny. S. 212.
114. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 191-193.
115. Voennyi entsiklopedicheskii leksikon, izdavaemyi obshchestvom voennykh i literatorov i posvyashchennyi Ego Imperatorskomu Vysochestvu Nasledniku Tsesarevichu i Velikomu Knyazyu Aleksandru Nikolaevichu. Ch. 6. SPb.: tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1843. S. 160.
116. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XII.
117. Engel's F. Kavaleriya. S. 130.
118. Engel's F. Kavaleriya. S. 117.
119. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 100.
120. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XII.

121. Nomikosov S. Statisticheskoe opisaniye Oblasti Voiska Donskogo. S. 134.
 122. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 134.
 123. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 702.
 124. Mering F. Vneshnyaya i voennaya politika Fridrikha II. S. 174.
 125. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 134.
 126. Asfandiyarov A. 3. Kantonnoye upravleniye v Bashkirii (1798—1865). Ufa, 2005. S. 19, 243.
 127. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya. S. 140.
 128. Berezin, L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 330.
 129. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76.
 130. Berezin, L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 334.
 131. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76-77.
 132. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 78.
 133. Kappeler A. Kazachestvo. Istoriya i legendy. S. 29-30.
 134. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 208.
 135. Arkhengol'ts I.V. Istoriya Semiletnei voiny. S. 276.
 136. L'vov S. Armeiskie ulany Rossii v 1812 g. M.: Vostochnyi gorizont, 2002. S. 5.
 137. L'vov S. Armeiskie ulany Rossii v 1812 g. S. 5-6.
 138. L'vov S. Armeiskie ulany Rossii v 1812 g. S. 6-7.
 139. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya. S. 146.
 140. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. C. 162.
 141. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 114-115.
 142. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 119.
 143. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 100.
 144. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii.
 145. Krasnov N.I. Voенное obozreniye Zemli Donskogo Voiska. S. X.
 146. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo. S. 58-59.
 147. Krasnov N.I. Voенное obozreniye Zemli Donskogo Voiska. S. XII.

УДК 93/94

Восточноевропейские иррегулярные войска в XVIII в.: кризис и эволюция

Артем Юрьевич Перетяцько

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
 Лаборатория военных исследований
 Кандидат исторических наук
 E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена эволюции восточноевропейских иррегулярных войск в XVIII в., когда они оказались вынуждены конкурировать с постоянными армиями западноевропейского образца. В ней подробно проанализированы как недостатки, так и достоинства иррегулярной системы организации, ставшие актуальными в данном столетии. Автор приходит к выводу, что ликвидация большей части восточноевропейских иррегулярных подразделений стала возможна только тогда, когда в постоянных армиях появились части, использующие их тактику и вооружение. Однако подобное влияние было взаимным, и сохранившиеся иррегулярные войска перенимали все больше элементов организации постоянной армии.

Ключевые слова: иррегулярные войска, казаки, граничары, Россия, Речь Посполитая, Габсбургские владения, Ф. Меринг.